

ма» во всех направлениях искусства). Во всех случаях культура тоталитарного общества унаследовала этот модернизм от предшествующего времени. В то же время восточные общества, сохранявшие традиционные общественные формы, не знали модернизма и в сфере культуры, и он воспринимался как нечто чуждое национальным традициям, к тому же привнесенное колонизаторами.

Таким образом, мы вправе говорить о европейски ориентированном феномене тоталитарной культуры, который лишь в ограниченной и опосредованной форме оказал влияние на развитие культуры восточных обществ тоталитарного типа. В относительно законченной форме «тоталитарная культура» существовала лишь в странах Европы — таких, как Италия, Германия или Советская Россия (СССР).

М. О. Гузикова

Уральский университет (Екатеринбург)

ЭРНСТ ЮНГЕР И КОНЦЕПЦИЯ НОВОЙ ЕВРОПЫ

Германский писатель Эрнст Юнгер, один из самых неоднозначных авторов XX столетия, внес свой вклад в дело создания единой Европы. В 1946 г. был издан его трактат «Мир. Обращение к молодежи Европы и мира», который в дальнейшем помешал тому, чтобы Юнгер остался в истории духа лишь как автор «Стальных гроз», национал-революционер и «консервативный анархист».

Юнгер был мобилизован 30 августа 1939 г. и отправлен на Западный фронт, в Париж. Вторая мировая война в отличие от Первой, когда автору пришлось провести все четыре года на передовой, была для него скорее кабинетной. Для Юнгера это время стало одним из самых счастливых периодов жизни. Он смог наконец-то покинуть Германию, где ему приходилось существовать под постоянным надзором гестапо после недвусмысленного отказа сотрудничать с нацистами. Во Франции же он находился среди единомышленников. С 1941 г. Юнгер служил в Париже в кругу офицеров, чьи имена стали известны-

ми в связи с так называемым движением «20 июля», — это Штюльпнагель, Шпайдель, Штауфенберг и др. Именно это движение дало Готфриду Бенну повод назвать армию «аристократической формой эмиграции»¹. Однако Юнгер не был активным участником фронды. Он считал, что «эти генералы воплощают общее бессилие бюргерства и аристократии. У них достаёт ума, чтобы понять, что происходит, но не достаёт силы и средств, чтобы справиться с теми, кто признает только насилие»². В ноябре 1941 г. Юнгер узнал о зверствах нацистов на Восточном фронте. 3 декабря 1941 г. он записал в дневник: «Существуют злодеяния, потрясающие основы мироздания; тогда мусический человек должен посвятить себя служению не Прекрасному, но Свободе»³. Несмотря на отчаяние, обуревавшее Юнгера в те дни, когда в Париже была введена «Звезда Давида», он никогда не пытался стать политически активным участником Сопротивления: «Я убежден, покушения ничего не меняют к лучшему»⁴. Он выбрал иной способ борьбы.

Зимой 1941 г. Юнгер начал работу над манифестом, которому дал название «Мир». Это сочинение давалось ему нелегко, он делал длительные перерывы, иногда склонялся к тому, чтобы уничтожить написанное. В это время Юнгер много и скрупулезно читал Библию и Ветхий и Новый Заветы. Религиозные воззрения оказали значительное влияние на формирование концепции манифеста. В 1943 г. Юнгер продолжил работу над сочинением, расширив название: «Мир. Обращение к европейской молодежи». В разговорах с офицерами Юнгер выражал желание вернуться в Берлин, чтобы в нужный час — в случае свержения Гитлера или военного поражения Германии — оказаться на месте и призвать к миру. В сентябре 1943 г. он завершил работу над манифестом. Тот факт, что в самом трактате не говорится о возможности поражения германского рейха в войне, возможно, связан с тем, что на момент начала работы над «Миром» не было поводов думать о подобном ис-

¹ *Benn G. Saemtliche Werke. Prosa 3. Stuttgart, 1991. Bd. 5. S. 106.*

² *Jünger E. Strahlungen I. Gaerten und Strassen. Das erste Pariser Tagebuch. Kukasische Aufzeichnungen. Muenchen, 1998. S. 495.*

³ *Ibid. S. 348.*

⁴ *Ibid. S. 371.*

ходе. Сам Юнгер не видел, каким образом Германия может выйти из войны, он часто писал о чувстве безысходности, о постигшем его отечество злом роке: «На одиноком небе нет ни одной звезды»⁵.

В 1943 г., после Сталинградской битвы, на стенах Парижа появились надписи «Сталинград» и «1918 год». Реакция Юнгера: «Французы не подозревают, что Сталинград может стать концом и для них»⁶, — свидетельствует о том, что он подобно многим высшим офицерам вермахта, считал, что Германия, объединившись с одним из своих противников — с Западом или Востоком, сможет избежать унижительного поражения⁷.

Трактат представляет собой призыв к «сознательной» свободе. В начале Юнгер проанализировал ошибки прошлого, разработав своего рода феноменологию бездуховности и кризиса цивилизации. По его убеждению, основными причинами утраты мира были, во-первых, нигилизм, присущий современности, а во-вторых, динамический процесс изменений европейского миропорядка, приведший к разрушению старых форм национального государства. «Все яснее видно, что борьба, в которой мы участвуем, разворачивается между силами уничтожения и силами жизни»⁸ — это объяснение Юнгера Ганс-Петер Шварц назвал «демонологическим толкованием»⁹. Однако жертвы были не напрасны — они послужат краеугольным камнем для строительства нового мира.

Во второй части трактата Юнгер обозначил основы, на которых должен быть построен послевоенный мир. Он указал на то, что если эта война должна быть выиграна совместно, то это означает также, что проигравших быть не должно. Это за-

⁵ Jünger E. Strahlungen I. Gaerten und Strassen. S. 452.

⁶ Jünger E. Strahlungen II. Das zweite Pariser Tagebuch. Muenchen, 1995. S. 662.

⁷ Он сам, конечно, предпочел бы видеть в союзниках Запад — Францию, с культурной элитой которой его многое связывало. Французы, в свою очередь, не остались безучастны к выбору Юнгера: после войны он был признан самым значительным германским писателем XX в.

⁸ Jünger E. Der Friede. Sämtliche Werke: In 18 Bd. Stuttgart, 1978. Bd. 7. S. 237.

⁹ Schwarz H.-P. Der Konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers. Freiburg im Breisgau, 1962. S. 169.

бота объединенной Европы. Юнгер предложил модель единой Европы, которая «должна стать партнером возникающих великих империй, которые стремятся принять свою окончательную форму»¹⁰. Он призвал нации отказаться от мести, ведущей, как показал опыт Версальского мира, только к ответной мести. Главным было, по замыслу Юнгера, не отмщение жертв войны, а восстановление права и справедливости: «Когда я сравниваю справедливые притязания моей родины с тем, что случилось, когда они попали в не те руки, меня охватывает невыразимая скорбь»¹¹. Создание Объединенных Штатов Европы лишило бы остроты все территориальные споры. Разрозненные национальные государства превратились бы в мощную единую европейскую империю. Членство в этом федеративном союзе Юнгер видел добровольным. Что касается государственного устройства, Юнгер предложил авторитарную форму правления. Так как задачей союза автор считал «гармонизацию» европейских противоречий, то конституция могла бы объединить принципы «авторитарной и либеральной ветвей демократии». Функция парламента в таком случае — отражать «субстанциальное, а не духовное единство народа», поэтому, например, должна была бы возрасти доля аграрных партий. Смешанная форма капитализма и государственного либерализма могла бы, согласно Юнгеру, решить проблемы современного индустриального общества. «Технические» области человеческого бытия, такие как промышленность, экономика, оборона, должны были управляться авторитарно из единого центра. Свобода же могла царить в гуманитарных сферах — в образовании, искусстве, религии, языке, расе, законах, традициях и обычаях. Юнгер указал на то, что в основе такого разделения лежит принятая еще со времен Вильгельма фон Гумбольдта традиция различения цивилизации и культуры.

Важную роль в деле мира Юнгер отвел религии. Автор воспринимал Библию не как документ, содержащий Божественное Откровение, а как «хранилище человеческих знаний»¹², закрепляющее основные взаимоотношения Человека и Космо-

¹⁰ *Jünger E.* Der Friede. S. 239.

¹¹ *Ibid.* S. 241.

¹² *Jünger E.* Strahlungen II. Das zweite Pariser Tagebuch. S. 34.

са. Он призвал церковь к «очищению мира». Ее задача — борьба с нигилизмом, с которым не в состоянии совладать либерализм: «Мы достигли того момента, когда от человека можно требовать если не веры, то благочестия, стремления жить справедливо в высшем смысле этого слова»¹³. Следует, наряду с государственной конституцией, разработать своего рода «синодальную конституцию», которая поможет устранить последствия церковного раскола. По словам Юнгера, Реформация нуждалась в церкви так же, как и церковь нуждалась в Реформации. Достичь настоящего мира в Европе, который был бы в состоянии преодолеть эгоизм отдельных стран, поможет только священный договор на религиозной основе, так как христианская церковь — самая сильная из нитей, на протяжении веков связывавших разобщенные нации. Политика должна приобрести теологическое измерение, лучшим умам нужно обратиться к религии. Юнгер задался вопросом, могут ли неверующие люди работать врачами, учителями или судьями, ведь «это приведет к тому, что палачи рано или поздно станут господами»¹⁴. Государству, по мнению автора, следует облачать особым доверием своих верующих граждан. Политическому возрождению должно предшествовать обращение к трансцендентному.

В завершение трактата Юнгер — и это показательно — обратился не к Европе, не к нациям, не к немцам, а к отдельному человеку. Борьба с нигилизмом должна «происходить в душе каждого». Диктатура помогла автору осознать ценность индивидуальных прав и свобод, поэтому он во многом противоречил убеждениям своей молодости, когда написал следующее: «Для мира недостаточно не хотеть войны. Настоящий мир предполагает мужество, превосходящее мужество воина. Такое мужество — результат духовной работы, духовной силы»¹⁵.

27 марта 1995 г. в честь своего столетнего юбилея Юнгер дал интервью центральному телевизионному каналу Германии ZDF, где, отвечая на вопрос о том, что для него значит мир, сказал следующее: «Мой добрый друг Тёпфер как-то вечером сказал мне, стоя на улице Фобур Сент-Онорэ: “Пришло время

¹³ *Jünger E. Der Friede.* S. 237.

¹⁴ *Ibid.* S. 238.

¹⁵ *Ibid.*

написать что-нибудь о мире”. Я засел за эту работу, но вскоре был отправлен в Россию. Пока я был в отъезде, рукопись хранилась в сейфе отеля “Мажестик”. Вернувшись, я показал текст Шпайделю. Тот с мотоциклистом отправил ее Роммелю, который сказал: “С этим можно работать”. Спустя несколько дней его вызвал к себе Гитлер. После того, как они обсудили военные дела, Роммель сказал: “Мой фюрер, а теперь нам нужно поговорить о Германии”. На что Гитлер ответил: “Покиньте помещение”. Итак, он не последовал совету Клаузевица, он и не мог ему последовать»¹⁶.

Юнгеру не удалось убедить всех последующих читателей «Мира», что «с этим можно работать». В 1962 г., когда концепт единой Европы казался полной утопией, один из самых вдумчивых критиков творчества Юнгера Ганс-Петер Шварц следующим образом охарактеризовал трактат «Мир»: «Много метафизики и исторических спекуляций, несколько оригинальных, но непродуманных практических предложений, полное непонимание того, как устроено правовое государство, незнание экономических законов, но при этом больше сердца и доброй воли, чем ему обычно отводят критики... Убеждает не теоретик Юнгер, непрофессионально играющий на чуждом ему поле, но поэт, говорящий о страдании народов... Это — утопическая мечта мученика, который обращает взгляд “на одну из тех звезд, которые недостижимы в жизни”»¹⁷.

Трактат «Мир» стал вехой в творчестве писателя. Героическая, революционная эра Рабочего завершилась. Он один, как говорит книга Юнгера, носящая его имя, знает, что есть власть и как ей служить. Но именно поэтому Рабочий смог приобрести знание о том, как противостоять ее соблазнам. «Стальные грозы» XX в. сделали свое дело. Рабочий не употребит власть во вред другим.

¹⁶ *Jünger E.* «Wie ein Geschoss zum Ende» // *Spiegel*. 1995. № 13 (27.03). S. 241.

¹⁷ *Schwarz H.-P.* Der Konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers. S. 173–174.